

Освещение истории советской статистики

(о праздновании юбилея В. Н. Старовского)

Г. И. ХАНИН,
доктор экономических наук,
Сибирская академия государственной службы,
Новосибирск

Весной 2005 г. статистическая общественность России торжественно отметила 100-летие со дня рождения многолетнего главы статистической службы СССР В. Н. Старовского. Характер публикаций в научной печати¹ в связи с этим юбилеем позволяет выявить многие важные (как позитивные, так и негативные) особенности освещения истории советской экономической мысли и экономической истории.

Приятно, что советская история перестает подаваться только в черном свете. Сама судьба юбиляра, выходца из бедной семьи, за короткий срок (всего за 20 лет) прошедшего путь от рядового сотрудника ЦСУ СССР до руководителя крупнейшей в мире статистической службы, говорит о том, что далеко не все было плохо. И создание такой службы, собирающей и обобщающей огромный массив сведений о состоянии экономики СССР, являлось, несомненно, сложнейшей организационной и экономической задачей. Выявление проблем, которые ей приходилось решать, – благодарная и поучительная тема для научных исследований. Данный юбилей стал прекрасным поводом поговорить об этом. Ведь научной, основанной на доступных архивных данных и других источниках, в том числе мемуарах ее работников, истории советской статистики до сих пор нет.

¹ Я имею в виду публикации статей и воспоминаний В. Л. Соколина, В. М. Симчеры, Д. С. Львова, Н. П. Федоренко, М. Р. Эйдельмана, Л. А. Уманского и отчет о юбилейных конференциях // Вопросы статистики. 2005. № 4, 8.

© ЭКО 2006 г.

В какой степени эти темы нашли воплощение в юбилейных материалах? В наибольшей мере удались сюжеты, связанные с личностью юбиляра. Из опубликованных воспоминаний отчетливо вырисовывается образ умного, доброжелательного, благородного, культурного и остроумного человека. В дополнение к сказанному приведу одну историю из воспоминаний известного советского экономиста и социолога, ныне профессора Мичиганского университета В. Э. Шляпентоха. Она произошла с ним, евреем по национальности, в начале 1953 г., в самый разгар «дела врачей».

Шляпентоху, тогда преподавателю статистического техникума, нужны были командировки в Москву в связи с работой над диссертацией, но возникли трудности с проживанием в столице. Он пришел на прием к Старовскому. Тот тепло его принял, внимательно выслушал (министр – преподавателя, неслыханное дело в советской бюрократической системе), вызвал начальника управления учебными заведениями и приказать удовлетворить просьбу. Старовский также позвонил А. Я. Боярскому и попросил помочь Шляпентоху.

Нет нужды доказывать, что проявить такую смелость в то время могли очень немногие начальники. Кстати, среди видных сотрудников ЦСУ СССР было немало евреев, что тогда уже было редкостью. В этом проявилась не только высокая оценка Старовским профессионализма своих работников (черта, мало присущая начальникам в последующем), но и одно из лучших качеств социалистической идеологии – интернационализм. Говоря о профессионализме работников, следует напомнить, что среди его ближайших сотрудников были такие выдающиеся экономисты, как И. С. Малышев и В. А. Соболев.

В связи с оценкой человеческих качеств юбиляра предстоит ответить, однако, на очень болезненный вопрос, который невозможно обойти: какова была роль Старовского в чистке ЦСУ СССР в 1937–1938 гг.? Слишком важным было это событие и для страны, и для ЦСУ. Ведь тогда было смещено практически все руководство и средний состав цент-

рального аппарата статистической службы, так же как и руководство территориальных органов.

Трудно упрекать В. Н. Старовского за то, что он не воспрепятствовал этой чистке: героических руководителей, рисковавших своей жизнью, тогда были единицы. Для истории и доброго имени Старовского важно было бы выяснить, что не он был инициатором чистки в своем ведомстве.

Другой серьезный вопрос заключается в том, к чему привела эта варварская чистка: к улучшению или ухудшению работы статистической службы? В других хозяйственных органах она, после временного периода дезорганизации, привела к улучшению деятельности, поскольку вместо малограмотных революционеров в руководстве появились молодые и энергичные квалифицированные специалисты².

Возникает еще один важный вопрос, также не поднятый в юбилейных статьях: как оценивать качество работы статистической службы в условиях плановой экономики, говоря о научной и общественной деятельности Старовского. Родные и близкие юбиляра могли бы немало рассказать о его оценке событий в общественной жизни СССР, в том числе 1937–1938 гг. Жаль, что они не воспользовались этой возможностью.

В связи с этими болезненными для истории и Старовского событиями вспоминается вставка к одному из телевизионных фильмов о молодых людях 90-х годов: «Они были хорошие ребята, но жили в плохое время». Авторы статей, посвященных Старовскому, постарались уйти от острых проблем, и в этом я вижу негативные итоги юбилея. История не нуждается ни в очернении, ни в обелении. Она нуждалась и нуждается в правде.

Намного хуже обстоит дело с освещением научной и общественной деятельности юбиляра. Следовало, как мне кажется, более обстоятельно установить научный приоритет В. Н. Старовского. Но уже то, что во главе ЦСУ СССР находился ученый, говорит хорошо не только о нем, но и о тех людях, которые его поставили на эту должность. Ка-

² Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. М., 2003. Т. 1. С. 7–13.

жется, среди руководителей статистической службы СССР и России только Н. Осинский и В. Н. Кириченко могли претендовать на серьезные научные заслуги. И эти три руководителя привнесли немало полезного в деятельность статистической службы, стали ее гордостью.

Важно было выяснить, как понимал Старовский значение статистической службы в жизни социалистической страны с плановой экономикой. Конечно, это обеспечение плановых органов полной и достоверной экономической информацией, необходимой для обоснованного составления народнохозяйственных планов, и контроль за их выполнением. Но этот вполне очевидный лозунг легче провозгласить и записать в учебники, нежели осуществить. Во-первых, количество продуктов огромно, и собрать данные обо всех невозможно и не нужно. Во-вторых, на всех уровнях командной экономики наблюдается стремление приукрасить действительность, ведь оценивают работу по выполнению плана, а не рынок – в зависимости от удовлетворения спроса и финансовых показателей.

ЦСУ СССР оказалось в эпицентре этих проблем. Как оно справлялось с ними во времена Старовского? Этот вопрос требует глубокого анализа. Из того, что сейчас известно, можно заключить, что с достоверностью натуральных показателей дело обстояло совсем неплохо (исключая продукцию сельского хозяйства, особенно зерно). Причина очевидна: иначе управление плановой экономикой было бы невозможно. В этом вопросе интересы центральной советской власти и обязанности ЦСУ СССР совпадали. Совсем не совпадали они на уровне ведомств, территорий и предприятий. И здесь борьба была неизбежна. Хорошо было бы показать: как она шла, с кем конкретно и какова была в ней роль Старовского.

Если бы речь шла только о количестве, борьба была бы значительно проще. Но ведомства и предприятия, зная об уголовной ответственности за приписки, обычно шли по более простому пути – снижали показатели качества продукции. Что делало в этой связи ЦСУ СССР в те времена? Снижение качества – это ведь завуалированное уменьше-

ние количества. Задача возникала совсем не тривиальная, и проявился ли здесь профессионализм ЦСУ СССР? Насколько мне известно, статистическими органами не было предпринято серьезных мер по учету этого явления.

Намного хуже обстояло дело с макроэкономическими показателями. Здесь Старовский получил плохое наследство от своих предшественников. Старовский не мог не понимать губительных последствий искажений динамики макроэкономических показателей для планирования экономики и поддержания народнохозяйственных пропорций. Борьба с этим злом при жизни Сталина было, видимо, смерти подобно. Но после его смерти ничто не угрожало ни жизни, ни свободе. Гражданский, профессиональный и партийный долг просто требовал изменить положение. И, как следует из воспоминаний, Старовский это понимал.

Но вместо того чтобы идти к Н. С. Хрущеву или Л. И. Брежневу, объяснять свою позицию и настаивать на ней, он вентилирует вопрос в аппарате ЦК у чиновников. Это просто в голове не укладывается. Если бы Хрущев и Брежнев не согласились с ним (а ведь могли бы и согласиться) – что тогда? Скорее всего, остался бы на своем посту, а если бы настаивал, могли бы отправить в отставку. И практически наверняка он стал бы заведующим кафедрой или директором института, потеряв некоторые номенклатурные блага. Но разве ради них живет интеллигентный человек?

Непонятно, почему этот простой вопрос не задали себе авторы воспоминаний. А ведь это очень нужно нынешним министрам, чиновникам и гражданам, чтобы напомнить о таких понятиях, как гражданский и профессиональный долг. Единственное оправдание, которое я вижу, состоит в том, что Старовский не хотел бросать свое детище – созданный его усилиями профессиональный коллектив.

Не хочу сказать, что в этот период дела с макроэкономической статистикой обстояли совсем плохо. Искажения в динамике производства в 40–50-е годы были наименьшими, но роль статистики здесь была невелика. Просто дела в экономике шли намного лучше, чем раньше, и цены удава-

лось проконтролировать успешнее. В 60-е – начале 70-х годов искажения снова усилились.

Немалым успехом статистики я считаю оценку основных фондов в ценах 1945 г., хотя методика этой работы до сих пор не описана. Неважно были проведены инвентаризации основных фондов в 1960 и 1972 гг. Хорошо – перепись населения 1959 г. Большой заслугой Старовского явились проведенные расчеты межотраслевого баланса и сопоставление макроэкономических показателей, на основе которых, при всей их неточности, можно вычислить реальную динамику советской экономики.

Авторы воспоминания и статей крупнейшей заслугой Старовского справедливо называют огромное внимание и уважение к экономической науке. У его предшественников и преемников (за редким исключением) этого уважения не было. Возможно, потому, что они были слабыми учеными, если вообще ими были. Именно при Старовском такие корифеи статистической науки, как С. Г. Струмилин, Я. Б. Кваша, А. Л. Вайнштейн, А. И. Ротштейн, А. Я. Боярский и многие другие, пользовались в статистическом ведомстве вниманием и уважением, к их мнению прислушивались. За одно только это В. Н. Старовский достоин уважения.

Празднование юбилея В. Н. Старовского выявило, как далека еще наша статистическая и экономическая общественность от объективного и научного подхода к прошлому страны и экономической науки. Сколь велика поверхностность и конъюнктурность суждений. Но ведь ошибочная оценка прошлого чревата повторением тех же ошибок в будущем.